

Позже Линь Юэюэ добавила в личное приложение к «Руководству по выходу из ситуации при обмене душами» новую памятку. Оригинал гласил: «Ни в коем случае не делайте при Чжу Чжисине ничего, что требует работы руками. Он будет пялиться на тебя с таким выражением лица, будто говорит: “Я просто молча посмотрю, как ты ломаешь комедию”, — и ты совершенно не понимаешь, то ли он любит, то ли устраивает допрос».

Дописав, она зачеркнула фразу и переписала заново: «Еще страшнее то, что он, возможно, делает и то, и другое одновременно».

Все произошло на следующий день после того, как её поймали на подглядывании за ресницами.

Съёмки музыкального клипа длились уже три дня подряд с такой невероятной нагрузкой, что Линь Юэюэ каждый вечер возвращалась в общежитие буквально на четвереньках. Тело Су Синьхао хоть и отличалось крепкой закалкой, но её собственное ментальное истощение оказалось слишком велико: для того чтобы не облажаться, требовалось концентрировать внимание на пределе каждого движения, а чтобы вовремя занимать нужную позицию, приходилось выискивать подсказки Чжу Чжисина боковым зрением. Спустя трое суток её центральный процессор уже откровенно дымился.

Утро четвертого дня выдалось редким полуднем отдыха. Линь Юэюэ проснулась на кровати Су Синьхао, секунд тридцать пролежала, глядя в потолок, а затем приняла решение, которое ей самой казалось безупречно разумным, а вот Су Синьхао, пожалуй, занёс бы в «список запрещенных действий» — она собралась приготовить Чжу Чжисину завтрак.

Основание было железным: в последние дни Чжу Чжисин слишком сильно ей помогал. Во время съёмок клипа её траектория движения дважды смещалась, и каждый раз именно он возвращал её на место условным знаком «опусти правое плечо»; а когда в перерыве между дублями её прижал к стенке Чжан Цзи с расспросами почему это она в последнее время ведет себя так странно, Чжу Чжисин вытащил её оттуда под предлогом «тебя зовет сестра Ли». Играть Су Синьхао перед камерой выбивало из сил, но и ему за кадром изображать «посвященного сообщника» было ничуть не легче. Угостить человека обедом или завтраком — элементарный этикет социального общения. А теперь она — Су Синьхао, и угостить сотоварища по группе едой для Су Синьхао совершенно естественное дело, в котором нет никаких изъяснов.

Идеально. Она мысленно поставила себе лайк.

После этого Линь Юэюэ встала перед холодильником, забитым продуктами, и с ужасом обнаружила, что упустила из виду ключевой момент — готовить она не умеет. Не то чтобы «не очень умеет», а «совершенно не умеет». За все свои двадцать лет Линь Юэюэ варила лапшу быстрого приготовления меньше пяти раз, причем в трех случаях вода полностью выкипала. Каждый раз, когда мать заходила на кухню и видела её с ножом в руках, она в панике выгоняла дочь вон. Но сейчас было семь часов утра, доставка еще не работала, да и какой смысл заказывать готовую еду, если хочешь продемонстрировать «искренность собственноручной стряпни»?

Она открыла телефон, вбила в поисковик «учебник по жарке яиц для новичков», посмотрела ролик секунд тридцать и решила, что в этом деле нет ничего технологически сложного: разбить яйцо на сковороду, подождать, пока схватится одна сторона, перевернуть, и как только обе стороны покроются золотистой корочкой — снимать с огня. В мыслях она прокрутила весь процесс и пришла к выводу, что ничего сложного тут нет. Когда же дело дошло до практики, выяснилось, что реальность разительно отличается от ожиданий. При жарке первого яйца скорлупа угодила прямо в сковородку; она долго вылавливала её палочками, в итоге желток растекся, а белок уже начал чернеть. Со вторым яйцом она учла ошибку — сначала разбила его в миску, а потом вылила на сковороду. Но газ был включен на такую мощь, что при соприкосновении с раскаленной поверхностью белок издал жуткое шкворчание, а его края мгновенно закрутились обугленным кружевным узором. Она попыталась перевернуть яичницу, однако лопатка проткнула желток, оранжевая жижа брызнула наружу и моментально пригорела ко дну. Третье яйцо она пожарила на медленном огне — на сей раз оно хотя бы не подгорело, но она забыла налить масло, из-за чего белок намертво прилип ко дну и не отскребался, превратившись в нечто среднее между скрэблом и яичницей с неясным составом.

Она уставилась на останки этих трех яиц и погрузилась в глубокие раздумья.

Двадцать минут спустя Чжу Чжисина вызвали в комнату Су Синьхао сообщением в Вичате. Когда он толкнул дверь, на нем все еще была пижама, волосы не уложены, пряди челки растрепались по лбу, а весь его облик излучал тяжелое утреннее недовольство. И тут он увидел то, что стояло на столе. Белую фарфоровую тарелку с двумя яичниками. У одной края были обугленными, а желток провалился внутрь; вторая выглядела сносно, но сквозь ее донышко смутно просвечивал подозрительный темно-коричневый оттенок. Рядом с тарелкой красовались стакан апельсинового сока и два слегка пережаренных тоста. На другом конце стола Су Синьхао сидел на стуле ровно и прямо, сложив руки на коленях; на его лице застыло отчаянное выражение невозмутимости, но в глазах таилась ничем не прикрытая нервозность. Такое напряжение Чжу Чжисин никогда прежде не видел на лице Су Синьхао — тот никогда не нервничал, по крайней мере в том, что касалось готовки. Он мастерски справлялся с целым столом вполне приличных домашних блюд и заслуженно считался в общежитии вторым по крутизне кулинаром. А теперь этот самый человек выставил перед ним пару яичниц, выглядящих так, будто на кухне взорвалась бомба, и всем своим видом изображал немое: оцени, пожалуйста, но спросить вслух не смею.

— Сам приготовил? — спросил Чжу Чжисин.

Линь Юэюэ кивнула, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Делать было нечего, решил попробовать.

Чжу Чжисин уселся за обеденный стол и пять секунд молча разглядывал тарелку с яйцами. Все эти пять секунд мозг Линь Юэюэ лихорадочно перебирал всевозможные варианты развития событий: а вдруг сочтет внешний вид настолько отвратительным, что даже не притронется? Вдруг поинтересуется, с чего это его кулинарные навыки так деградировали? А вдруг снова уставится на нее тем самым взглядом «я что-то понял, но ничего не скажу»?

Чжу Чжисин взял палочки, подцепил обугленную с края яичницу и откусил кусочек. Пожевал. Проглотил.

— Ну как? — голос Линь Юэюэ прозвучал натянуто, как струна.

Чжу Чжисин не ответил сразу. Он доел яичницу целиком, затем взял вторую и принялся медленно, кусок за куском, уплетать её вместе с тостом. На протяжении всего процесса на его лице не отразилось ни единого намека на негатив: ни единого движения бровей, ни секунды колебания, ни брезгливости. Он даже прикончил обугленные участки, лишь слегка качнув бровью на самом горелом куске, после чего сделал глоток апельсинового сока, словно прополаскивая рот. Наконец он отложил палочки — тарелка опустела.

— Есть куда расти, — произнес он.

Линь Юэюэ опешила. Не «вкусно», не «нормально», а «есть куда расти». Эту фразу Су Синьхао записал в учебном пособии: Су Синьхао никогда не давал чужому труду прямого отрицательного отзыва, заменяя фразу «так себе» на «есть куда расти». Это была заученная, въевшаяся в самую плоть и кровь привычка выражаться. Она опустила взгляд на пустую тарелку, и в носу вдруг зашипало. И вовсе не оттого, что яичница вышла неудачной, а потому, что Чжу Чжисин по-своему защищал образ Су Синьхао. Он ведь запросто мог выпалить: «С чего это ты сегодня так паршиво стряпаешь?» — или вообще разоблачить её. Но он этого не сделал. Он предпочел выдать фразу, которую непременно произнес бы настоящий Су Синьхао, сгладив её неуклюжий спектакль и сохранив репутацию подлинного Су Синьхао в стенах этого общежития.

— В следующий раз получится лучше, — промолвила Линь Юэюэ, и в её голосе прозвучало едва уловимое даже для нее самой дрожание.

Чжу Чжисин бросил на нее короткий взгляд. Взгляд этот длился недолго, но весил немало. Он не стал допытываться, с какой стати она вдруг решила сготовить ему завтрак, и не стал спрашивать, отчего кулинарное мастерство так резко скатилось вниз. Он просто подвинул к ней стакан с соком, поднялся, забрал пустую тарелку и направился к раковине.

— В следующий раз не забудь плеснуть масла перед тем, как жарить яйца, — бросил он из кухни под журчание открытого крана и стук посуды о металлическую раковину. — И газ на максимум не выкручивай. Среднего огня вполне хватит.

Линь Юэюэ сидела за столом, обхватив ладонями стакан с соком, но пить не стала. Стакан был ледяным, холод проникал сквозь ладонь Су Синьхао прямо в кровеносные сосуды, однако на душе у нее разливалось тепло. В этот момент до нее наконец дошло, почему в первый же день обучения Су Синьхао выделил главу под названием «Всё, что связано с Чжу Чжисином». И вовсе не потому, что Чжу Чжисин представлял собой наибольшую угрозу, а потому, что он слишком хорошо знал Су Синьхао. И это знание не имело ничего общего с тем, как фанаты изучают закусочные материалы: оно было выковано годами совместной жизни и вплавлено в самые привычки. Он знал манеру речи Су Синьхао, уровень его кулинарных навыков, темп его шагов. Он умел с лёту улавливать малейшие фальшивые нотки. Но точно так же он мог

использовать это понимание для её защиты. И делал это не из чувства долга, не по уговорам Су Синьхао — а в силу некоего молчаливого соглашения, название которому она пока не решалась дать.

Подобный негласный сговор одновременно успокаивал и пугал. Успокаивал тем, что кто-то подстилал ей соломку, а пугал потому, что она начинала терять ориентиры: играет ли она всё ещё роль Су Синьхао, или уже проживает чужую жизнь в чужом теле, где некоторые моменты неумолимо стирают грань между вымыслом и реальностью.

Во второй половине дня произошло второе происшествие.

Линь Юэюэ клялась себе, что на сей раз точно не делала этого специально. Во второй половине дня на съёмках клипа объявили короткий перерыв: съёмочная группа меняла декорации, а менеджер велел им переждать в комнате отдыха. Кондиционер там шпарил на полную мощность, и в одной лишь легкой майке Линь Юэюэ быстро замерзла, покрывшись мурашками. На диване валялась белая рубашка — стилист выдал её Чжу Чжисину в качестве сменной одежды на утро, но потом тот переоделся в другой съёмочный костюм, а эту так и оставил на подлокотнике. Линь Юэюэ проколебалась секунды три. А потом подумала: разве для товарища по группе не в порядке вещей одолжить чужую верхнюю одежду, если замерз? К тому же сейчас она — Су Синьхао, а какие могут быть условности между Су Синьхао и Чжу Чжисинем? Подумаешь, наденет чужую вещь.

Она взяла рубашку и набросила на себя. Рубашка оказалась необъятной. Линия плеч свалилась до середины бицепсов, рукава свисали ниже кончиков пальцев, так что манжеты пришлось в два оборота закатывать наверх. Подол тоже волочился слишком низко, и запихивать его в брюки оказалось неудобно и громоздко. Но по мере того как она в ней осваивалась, до нее внезапно дошло, что она сейчас в точности воспроизводит заветную мечту всех шипперов — носит его одежду. От рубашки Чжу Чжисина веяло его запахом. Не парфюмом, а чем-то более тонким, чистым, присущим его собственному телу — ароматом стирального порошка вперемешку с остаточным теплом кожи. Линь Юэюэ притянула воротник к самому носу, глубоко вдохнула, а затем резко отпустила его и мысленно залепила себе увесистую оплеуху. Приди в себя! Ты сейчас парень! С какой стати парню нюхать одежду товарища по группе?

Она выпрямилась, приняла строгий вид и снова уткнулась в телефон, делая вид, будто ничего не произошло.

Когда Чжу Чжисин отворил дверь, в одной руке у него была бутылка с водой, а взгляд был прикован к экрану смартфона. Сделав пару шагов, он поднял голову, собираясь что-то сказать, и замер, заметив «Су Синьхао» на диване. Его шаги оборвались на долю секунды. Этот миг длился мгновение, но Линь Юэюэ уловила его. Он разглядел рубашку. Взгляд скользнул с её лица на плечи, с плеч — на закатанные складки рукавов и наконец опустился на талию, где излишне длинный подол топорщился складками. Он остолбенел. В этом застывшем выражении лица не было ни капли наигранности: губы лишь чуть приоткрылись, веки едва заметно дрогнули, словно его мягко толкнуло какое-то неожиданное зрелище.

А затем кончики его ушей покраснели. Не целиком залились алым цветом, а начали

наливаться краской от мочек, медленно выползая вверх, подобно каплям туши, падающим в чистую воду и расплывающимся по краям. Пальцы, сжимавшие бутылку с водой, чуть сильнее сжались, костяки побелели, однако выражение лица оставалось невозмутимым, а тон — непринужденным, как обычно.

— Тебе к лицу, — обронил он.

Внешне Линь Юэюэ невозмутимо кивнула, но внутри неё уже вовсю гремели фейерверки. К лицу? Какое к лицу?! Линия плеч едва ли не до локтей свисает, рукава в два оборота закатаны и всё равно длинные, в брюки заправлено сплошным комком. И он говорит «к лицу»?! О чем он вообще думает?

И тут её мозг автоматически выдал классическую цитату из фандома: «Когда кто-то говорит, что тебе идет его слишком большая одежда, это значит, что он смотрит на тебя самого, а не на саму вещь». Этот пост, некогда набравший десятки тысяч репостов в фандоме, закрутился в её голове назойливой бегущей строкой. С помощью навыков управления мимикой, позаимствованных у Су Синьхао, она подавила жгучее желание завопить, выстроила уголки рта в рамки «улыбки в стиле Су Синьхао» и потупилась, снова делая вид, будто увлечена чтением ленты в телефоне. На экране светился диалог в Вичате: Су Синьхао пять минут назад прислал памятку по завтрашнему интервью, но она не осилила и строчки.

Спустя несколько секунд она строчит сообщение настоящему Су Синьхао.

[Су Синьхао: Опять ЧП.]

[Линь Юэюэ: Ты опять за ним подглядывал?]

[Су Синьхао: Не подглядывал. Я надел его рубашку.]

[Линь Юэюэ:]

[Су Синьхао: В комнате отдыха слишком холодно, а на диване как раз валялась чья-то, вот я и набросил.]

[Линь Юэюэ: И?]

[Су Синьхао: И тут он заходит, видит меня в своей одежде и зависает.]

[Линь Юэюэ: И?]

[Су Синьхао: И у него покраснели уши. Сказал, что сидит на мне как влитая.]

[Линь Юэюэ: □]

[Су Синьхао: Эта рубашка явно больше на несколько размеров, ни о какой «впору» не может быть и речи. Что значит его «тебе к лицу»?]

[Линь Юэюэ: Дай мне пару минут.]

[Линь Юэюэ: Мне нужно примерить это на себя: представь, если бы я в твоём теле стояла перед Чжу Чжисинем, а он смотрел на меня, облаченную в его рубашку —]

[Су Синьхао: Можешь не представлять.]

[Линь Юэюэ: ?]

[Су Синьхао: Я уже начал думать, и мой процессор выгорел от таких вычислений.]

[Линь Юэюэ: □]

[Линь Юэюэ: Впредь держись подальше от вещей Чжу Чжисина.]

[Су Синьхао: А если я замерзну?]

[Линь Юэюэ: Замерзнешь — будешь дрожать.]

Су Синьхао бросил телефон на кровать, поднялся с цветочного матраса Линь Юэюэ, подошел к письменному столу и долго вглядывался в плакат с изображением его самого и Чжу Чжисина, висевший на стене. На постере их лица находились так близко, что носы почти соприкасались. Это был стоп-кадр из финального выхода на какой-то сцене, который фанатки вырезали из высококачественных превью и распечатали в большом формате. Раньше он считал эту фотографию пустяковой — в конце концов, на сцене стоять близко к партнеру это в порядке вещей. Но теперь, вглядываясь в угол, под которым он на снимке оборачивался на Чжу Чжисина, он уже не был столь уверен. О чем он думал, когда поворачивался к Чжу Чжисину? Он не помнил. То было автоматическое движение, заученный финал, самая безопасная стандартная реакция на камеру. Но о чем думала Линь Юэюэ, облачаясь в рубашку Чжу Чжисина? И что чувствовал сам Чжу Чжисин, видя его тело в этой чересчур просторной одежде? Ни на один из этих вопросов он не мог дать ответа.

Он вернулся к кровати, взял в руки телефон и увидел новое сообщение от Линь Юэюэ.

[Су Синьхао: И еще один вопрос.]

[Линь Юэюэ: Откуда у тебя столько вопросов?]

[Су Синьхао: Сегодня утром я приготовил ему завтрак. Яичница подгорела, тосты пересушились. А он съел всё до конца.]

[Линь Юэюэ: □]

[Су Синьхао: Он выдал: «Есть куда расти». Дословно. Тебе не кажется эта фраза знакомой?]

[Линь Юэюэ: Это фирма Су Синьхао.]

[Су Синьхао: Верно. Он заговорил со мной тем же языком, каким я обычно отчитываю других. Зачем он это делает?]

[Линь Юэюэ: Понятия не имею. Может, считает, что так тебе привычнее. Может, прикрывает твой косяк. А может, просто брякнул не подумав.]

[Су Синьхао: Чжу Чжисин никогда не бросает слов на ветер. Каждая его фраза обдумана.]

Собеседник умолк. На сей раз молчание затянулось дольше, чем во все предыдущие разы. Су Синьхао неотрывно смотрел на мигающую надпись «собеседник печатает...», которая то появлялась, то исчезала снова и снова. Наконец всплыло новое сообщение.

[Линь Юэюэ: Сначала скажи мне, какая именно часть тебя волнует больше всего? То, что он прикрыл тебя, и ты почувствовал себя защищенным? Или то, что его использование твоих коронных словечек дало ощущение понимания? Или — то, что он слопал сожженную тобой яичницу и еще расхвалил за «прогресс», заставив тебя почувствовать —]

[Линь Юэюэ: Забей, не буду спрашивать.]

[Линь Юэюэ: Думай сам.]

Су Синьхао уставился на последние три строчки, палец завис над экраном: он напечатал букву «Я», стер её, набрал «Нет», стер снова. Наконец он заблокировал экран, положил телефон на тумбочку, потянул одеяло и укрылся с головой. Из-под цветочного пододеяльника донесся приглушенный, донельзя унылый вздох. Он и сам не понимал, что именно его тревожит. Он знал лишь одно: сегодня утром его тело приготовило Чжу Чжисину безнадежно испорченную яичницу, и тот её съел. Сегодня днем его тело нарядилось в великоватую рубашку Чжу Чжисина, и у того покраснели уши. Ни то ни другое не поддавалось его контролю. Его тело творило вещи, которых он никогда бы не совершил, а его сотоварищ по группе — тот, с кем они бок о бок провели семь лет и кого, как ему казалось, он изучил вдоль и поперек — демонстрировал реакции, которых он никак не ожидал.

Он перевернулся на другой бок и уткнулся лицом в подушку. От нее слабо пахло стиральным порошком — той самой маркой, которой пользовалась Линь Юэюэ и которую он сроду не покупал. Закрыв глаза посреди этого чужого аромата, он неожиданно для себя увидел воображаемый профиль Чжу Чжисина, сидевшего за столом над подгорелой яичницей. Тот профиль был совершенно спокойным. Ни брезгливости, ни формализма. В нем сквозило трудноописуемое сосредоточение — словно он делал пусть и маленькое, но крайне важное дело, помогая кому-то сберечь искренность стараний, пусть и не увенчавшихся успехом. Через призму тела Линь Юэюэ он тогда разглядел этот профиль, а про себя сделал зарубку. Теперь же, лежа в постели и вспоминая тот момент, он постепенно начал понимать, к чему относилась эта зарубка.

Не «Чжу Чжисин отлично подыграл».

А: «Если бы я сам сидел напротив него и наблюдал, как он уплетает мою сожженную стряпню, я бы, наверное, тоже подумал: надо же, как истово этот человек жует откровенную гадость».

Су Синьхао долго лежал в темноте с открытыми глазами. Затем нащупал телефон, открыл заметки и отыскал раздел «Всё, что связано с Чжу Чжисиним». Курсор замер на строчке «Не рекомендуется Линь Юэюэ оставаться с ним наедине дольше пяти минут». Поколебавшись пару секунд, он стирать предостережение не стал. Лишь добавил внизу новую строку: «Но если

у нее не получится, пока что за это не сужу».

Закончив писать, он вновь заблокировал экран, зажмурился и заставил себя погрузиться в сон. А в голове его помимо воли продолжали прокручиваться утренние кадры: черная от гари яичница, просторная рубашка, удаляющаяся спина Чжу Чжисина с пустой тарелкой в руках и те самые брошенные вскользь слова: «Тебе к лицу». За те семь лет, что он смотрел на эту спину, ему никогда не казалось в ней что-либо особенным. Но в утреннем свете этого дня очертания плеч в лучах света казались какими-то совсем другими, нежели прежде.

<http://bllate.org/book/20903/2113180>